

Джеймс держался столь непринуждённо и искренне, что репортёр усомнился в надёжности своих источников и поспешил сменить тему.

Шумиху вокруг группы «Клубника» понемногу замяли — то ли намеренно, то ли случайно, словно рябь на воде от лёгкого дуновения ветра.

Вскоре в одной скромной газетёнке всё же вышел материал. На крошечном клочке газетной полосы, не больше спичечной коробки, красовалась лаконичная заметка:

«Джимми Лемон, вокалист рок-группы „Планета“. Светловолосый зеленоглазый красавец со славной, почти прозрачной кожей. Хрупкий и тонкий юноша, чей голос таит в себе взрывную мощь, легко берущую любые высоты и низы. Дерзок, своенравен, но на сцене чертовски хорош».

В те дни «Планета» пребывала в том странном промежуточном статусе, когда песня гремит на каждом углу, а авторов никто не знает в лицо. На улицах вовсю напевали «Гнилую клубнику», но самих музыкантов толпа не замечала.

Газета ограничилась парой строк о ярком солисте, обойдя вниманием остальной коллектив.

Но всё изменилось спустя пару недель.

Череда непрерывных, изматывающих концертов позволила им буквально подмять под себя весь Лондон.

Двадцать семь выступлений, которые выхлопотал для них Эйбел, проходили преимущественно неподалёку от столичных колледжей и университетов. Продюсер попал в яблочко.

В этих районах безраздельно властвовали подростки.

Сытые, обутые и одетые, они, тем не менее, оставались неприкаянными. Общество попросту вычеркнуло их из своей жизни.

Взрослые — будь то вечно занятые родители или сухие преподаватели — требовали от них лишь одного: покорно брести по проторенной дорожке. Никому и дела не было до их личных драм, робких надежд и глухих разочарований. На их сложный внутренний мир у старших никогда не находилось времени.

Юношеская уязвимость, грызущая тревога, бесприютная тоска и обида, которую некому доверить...

На все излияния старшие лишь снисходительно отмахивались:

— Вырастешь — пройдёт.

Но когда наступит это призрачное «потом»?

Музыканты «Планеты» подарили им то, в чём они отчаянно нуждались, — идеальный громоотвод для бушующих эмоций.

С приходом сумерек златовласый солист выходил на сцену и раздувал настоящее пламя. Этот пожар пожирал липкую серую реальность, бессилие и злость, даруя долгожданное исцеление через неистовый ритм.

Студийная стерильность навевала на Джеймса тоску — он жил только живыми выступлениями.

Только перед беснующейся толпой, сжимая в ладонях микрофон, он мог позволить себе полную свободу: выть, метаться, хрипеть и сходить с ума, выплескивая наружу всё, что клокотало в груди.

Его дикое, бешеное неистовство рождало мощную, почти осязаемую волну энергии. Музыка, казалось, обретала плоть и кровь, утягивая за собой каждого, кто находился в зале.

— Если после моего выступления эти люди останутся сидеть на своих местах как ни в чём не бывало, я сочту это за личное оскорбление.

Прежний ливерпульский замарашка исчез без следа. Пропал неуклюжий малый в нелепых шмотках, вечно зависающий с глуповатым видом, сомневающийся в собственном рассудке и судорожно скрывающий за напускным безразличием глубокую неуверенность в себе.

На его месте вырос истинный фронтмен — дерзкий, властный и невероятно притягательный.

Джеймс наконец-то обрёл ту самую абсолютную уверенность, без которой невозможно представить настоящего лидера рок-группы.

Как-то раз перед началом очередного концерта, окинув взглядом чинную, благопристойную публику, он недовольно поморщился и, решив похулиганить в духе Джона Леннона, бросил в микрофон:

— Те, кто победнее, хлопайте в ладоши. Остальные — просто потрясите своими побрякушками!

От подобных выходок у Эйбела регулярно раскалывалась голова.

— Подражать «Битлз» — идея неплохая, — ворчал продюсер. — Но почему нельзя перенять у

них что-то приличное? Например, строгие сценические костюмы?

Не теряя надежды, перед следующим шоу Эйбел поручил тур-менеджеру Биллу доставить музыкантам четыре дорожных костюма-тройки, настоятельно порекомендовав выйти на сцену при полном параде.

Ланс, не желая лишний раз обострять отношения с боссом, согласился без лишних споров — благо деловые костюмы составляли основу его повседневного гардероба. Остальные рассудили, что глупо злить Эйбела по пустякам, и тоже натянули пиджаки.

Поначалу всё шло гладко. Публика благосклонно приняла новый имидж, а из зала донеслись одобрителные выкрики в адрес нарядных красавцев.

Неприятности начались, стоило Джеймсу затянуть первые аккорды «Расстанься с ним».

Атмосфера в зале неуловимо изменилась.

Парня внезапно укололо острое чувство нелепости происходящего.

Ну в самом деле!

«Я стою на сцене в дорогой тройке и пою: „Этот пижон носит пиджак и галстук, он просто дешёвка и кукла напоказ, в нём нет ничего мужского“. Да я же, мать вашу, сам себя сейчас поливаю дерьмом!»

Кровь бросилась ему в голову, и прямо посреди куплета он принялся срывать с себя пиджак.

Ладно тур-менеджер, который за кулисами едва не лишился чувств...

Даже невозмутимый Ланс на секунду сбился с ритма, ошарашенно уставившись на напарника.

Благо виртуозное мастерство гитариста позволило ему удержать мелодию и не смазать ни единой ноты из-за очередной безумной выходки вокалиста.

Но Джимми и не думал останавливаться.

Выплюнув в микрофон строчку про галстук и фальшивый шик, он с силой швырнул пиджак прямо в толпу.

Зал буквально взорвался.

Десятки рук вцепились в дорожную ткань, разрывая её на сувениры, а сотни девчонок зашлись в экстазе, выкрикивая имя своего кумира и отчаянно тянясь к сцене.

В те годы никто ещё не слышал о неоновых палочках и светящихся браслетах.

Лес из тысяч взметнувшихся рук, раскачивающийся в едином порыве под яростные басы, завораживал до мурашек.

Джимми смотрел на это бушующее море с искренним восторгом. Его зелёные глаза сияли, а блуждающий по залу взгляд дарил каждой фанатке сладостную иллюзию: он смотрит именно на неё.

Он прижал губы почти к самому капсюлю микрофона. Тяжёлое, прерывистое дыхание и хриплые вздохи разнеслись по залу, заставляя девичьи сердца замереть от сладкой истомы.

Зал затаил дыхание.

Он лишь дерзко ухмыльнулся, блеснув острыми клыками, и вкрадчиво прошептал:

— Надеюсь, вам весело, дорогуши.

Тысячеголосый рёв заглушил его слова:

— Да-а-а!

Джимми сорвал удавку галстука, отшвырнул её в сторону и рванул ворот рубашки, с мясом выдирая пуговицы. Сжав стойку микрофона обеими руками, он закричал что есть мочи:

— Тогда зажжём это болото!

Толпа окончательно лишилась рассудка.

Золотистая грива заметалась по сцене. Джимми носился из угла в угол, рубя воздух рукой в такт глухим ударам барабанов. Прожекторы просвечивали насквозь влажную, растерзанную белую рубашку, очерчивая контуры поджарого, сильного пресса.

Никто уже не пытался чинно сидеть на своих местах.

Подростки в едином безумном порыве повскакивали с кресел, прыгая и надрывая глотки.

Девчонки у сцены теряли сознание от избытка чувств.

Раскрасневшиеся, с горящими глазами, они пожирали вокалиста взглядами, замороженные каждым его движением. Их сердца стучали в бешеном ритме «Планеты».

Попытка Эйбела слепить из них благообразных кумиров для примерных девочек с треском провалилась.

Старик так и не понял простой истины: «Планета» играла рок-н-ролл. Разумеется, они могли время от времени выдавать простенькую попсу вроде «Гнилой клубники» ради наживы — кушать хочется всем, да и новые струны сами себя не купят.

Но под этой коммерческой мишурой...

На самом деле они оставались дикарями. Настоящая музыка, которой они горели, не имела ничего общего со сладкими радиохитами.

Джимми не просто отказался играть роль паиньки в пиджаке — он превратил навязанный костюм в инструмент бунта.

Терзая дорогую ткань прямо на глазах у толпы, он манифестировал чистое отрицание любых рамок и авторитетов.

Пресса, разумеется, отреагировала на подобный перформанс без особого восторга.

Консервативную публику раздражал этот яростный, искрящийся первобытным хаосом напор. Критики всю ругали музыкантов за дешёвую провокацию и манипулирование толпой.

Один журналист даже устроил уличный опрос.

Холёный джентльмен средних лет безглаголиво бросил в камеру:

— Это же обыкновенная ливерпульская шпана. Ноги моей дочери не будет на их концертах, я уберегу её от этих грязных подонков.

Узнав об этом, Джимми лишь зашёлся весёлым хохотом. Сощутив весёлые зелёные глаза и сверкнув клыками, он скорчил уморительную рожицу прямо в объектив и выдал ответ, от которого у любого добропорядочного отца случился бы удар:

— Расслабься, папаша. Пока ты брюзжишь, твоя дочурка уже успела засосать меня за кулисами.

И он, надо признать, почти не врал.

После каждого шоу фанатки часами дежурили у служебного входа.

Они обступали музыкантов плотным кольцом, преданно заглядывая в глаза златовласому богу сцены. Смущаясь и робея, как беззащитные котята, девчонки умоляли:

— Джимми, пожалуйста, поцелуй меня...

И Джимми таял.

Он мягко улыбался, наклонялся к ним и дарил лёгкие, невинные поцелуи — без тени пошлости или похоти.

Ошалевшие от счастья девчонки уходили в слезах.

«К чёрту фанатство! — билось в их глупых головах. — Это же настоящая любовь!»

Конечно, никакой любовью тут и не пахло.

Воспитанные в строгости пуританской морали, эти девочки привыкли прятать свои чувства глубоко внутри. Общество учило их лишь одному — быть благопристойными и не высовываться.

Но когда в их тусклой жизни появлялся тот, кто воплощал в себе все потаённые девичьи фантазии — яркий, недостижимый и безопасный, поскольку близко к себе он всё равно никого не подпускал, — плотину прорывало. Накопленная годами лавина чувств обрушивалась на него со всей неукротимой юношеской страстью.

Джеймс не видел греха в том, чтобы подарить девчонкам немного сказки.

Он был до глубины души благодарен судьбе, небесам и каждому случайному слушателю за то, что его любят.

«Я ведь обычный сопливый пацан, во мне нет ничего особенного, — думал он. — Но если вы дарите мне своё тепло, пожалуйста, не останавливайтесь. Это чертовски приятно».

Лансу подобное панибратство претило.

— Ты слишком распускаешь публику, — сухо бросил он как-то раз.

— Да ладно тебе, это просто невинный поцелуй, — отмахнулся Джимми.

— Человеческая жадность не знает границ. Стоит им привыкнуть брать, как они начнут требовать больше. И когда ты однажды откажешь, они тебя уничтожат.

— Боже, ну ты и зануда! Откуда в тебе столько пессимизма? Девчонки ведь чудесные. Они не глупые и прекрасно знают меру.

Слаженный тандем впервые дал трещину — идеальное взаимопонимание сменилось глухим спором.

Джимми, опьянённый свободой, с головой ушёл в инфантильный, оторванный от жизни романтизм. Ланс же оставался прагматиком до мозга костей. Он просчитывал каждый шаг и, несмотря на редкие вспышки безумия на сцене, в быту руководствовался холодным рассудком.

Поняв, что к компромиссу им не прийти, они просто закрыли тему.

Каждый остался при своём.

Ланс выстроил вокруг себя ледяную стену отчуждения, демонстративно игнорируя беснующуюся толпу. Джимми же, напротив, готов был обнять весь мир: дурачился с девчонками, жал руки счастливым в первом ряду прямо посреди песни и вообще вёл себя как парень из соседнего двора.

Турне триумфально катилось по стране, собирая аншлаги в каждом городе.

Преобладающую часть публики по-прежнему составляли восторженные фанатки, плававшие воздух своими визгами.

Наблюдая за этим безумием, Ланс поймал за хвост ускользающую музу.

За завтраком он задумчиво прикурил сигарету, выудил из кармана чей-то косметический карандаш и принялся что-то набрасывать прямо на клочке салфетки. Закончив, он небрежно скомкал бумажку и швырнул её по столу приятелю.

Джимми, едва не подавившись яичницей, расправил бумажный комок и уставился на неровные строчки. Это был черновик нового трека.

Вчитываясь в размазанный грифель, Джимми недоумённо нахмурился:

— Э-э-э... «Ей в этом году шестнадцать»? Я правильно разобрёл? Что-то как-то пресно. В чём

прикол?

— Раскинь мозгами, — высокомерно бросил Ланс, пуская струю дыма.

Спустя секунду до Джимми наконец дошло. Он со смехом хлопнул ладонью по столу:

— Охренеть! Ну ты и мерзавец!

В то время возраст согласия в Великобритании составлял ровно шестнадцать лет.

«Ей стукнуло шестнадцать, шестнадцать...»

«Дружище, ты понимаешь, о чём я...»

<http://bllate.org/book/19389/1999612>